

 ORIENTALIA
ET CLASSICA

National Research University
HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS
INSTITUTE FOR ORIENTAL AND CLASSICAL STUDIES

 ORIENTALIA
ET CLASSICA
XII (LXXXIII)

HISTORY AND CULTURE OF JAPAN

19th – 20th Centuries:
New Studies
of Russian Scholars

Higher School of Economics
Publishing House
MOSCOW 2025

Национальный исследовательский университет
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

ИНСТИТУТ КЛАССИЧЕСКОГО ВОСТОКА И АНТИЧНОСТИ

 ORIENTALIA
ET CLASSICA
XII (LXXXIII)

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ЯПОНИИ

XIX–XX века:
новые исследования
российских ученых

Издательский дом
Высшей школы экономики
МОСКВА 2025

УДК 94(520)
ББК 63.3(5Япо)-7я43
И90

<https://elibrary.ru/splrfm>

Orientalia et Classica

XII (LXXXIII)

Серия основана в 2001 г. С 2020 г. издается НИУ ВШЭ

Главный редактор серии — *И.С. Смирнов*

Редакционная коллегия серии:

Д.В. Волков (ИКВИА НИУ ВШЭ), *А.Н. Мещеряков* (ИКВИА НИУ ВШЭ),
А.Г. Сторожук (Востфак СПбГУ), *Н.В. Козлова* (Государственный Эрмитаж),
А.И. Иванчик (ИКВИА НИУ ВШЭ/Univ. of Bordeaux, France),
М.А. Алонцев, ответственный секретарь (ИКВИА НИУ ВШЭ),
И.С. Архипов (ИКВИА НИУ ВШЭ), *И.С. Смирнов*, председатель (ИКВИА НИУ ВШЭ),
Л.Е. Коган (ИКВИА НИУ ВШЭ)

Составитель и ответственный редактор выпуска — *А.Н. Мещеряков*

Рецензенты:

канд. ист. наук, доцент *Е.Б. Сахарова*;
канд. ист. наук, доцент *С.В. Гришачев*

История и культура Японии. XIX–XX века: новые исследования российских ученых [Текст] / под науч. ред. Н. Н. Трубниковой, М. С. Коляды ; сост. и отв. ред. А. Н. Мещеряков ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Ин-т классического Востока и античности. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2025. — 440 с. — (Orientalia et Classica. XII (LXXXIII) / гл. ред. И. С. Смирнов). — 600 экз. — ISBN 978-5-7598-4118-0 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-4245-3 (e-book).

В 17-й выпуск «Истории и культуры Японии» вошли работы ведущих современных российских японоведов и молодых ученых по истории и культуре Японии от середины XIX в. до наших дней. Научному сообществу представляются новые материалы из российских и зарубежных архивов, переводы источников, исследования ряда памятников японской философской мысли, литературы, искусства. На нескольких примерах рассмотрены связи японской культуры с культурами нашей страны, стран Азии, Европы и США.

Для всех, кто интересуется историей и культурой Японии.

УДК 94(520)
ББК 63.3(5Япо)-7я43

На обложке — каллиграфия *А.П. Беляева*

На форзацах воспроизведен фрагмент традиционной японской декоративной бумаги (XVIII в.), любезно предоставленной *Е.М. Дьяконовой*

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<http://id.hse.ru>

doi:10.17323/978-5-7598-4118-0

ISBN 978-5-7598-4118-0 (в пер.)
ISBN 978-5-7598-4245-3 (e-book)

© Авторы, 2025
© Составление. Мещеряков А.Н., 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	8
---------------	---

Часть I. Архивные материалы

Глава 1. Таланты, мученики, визионеры — ученые прошлого о японской древности (<i>Л.М. Ермакова</i>).....	19
Норито (<i>пер. М.П. Григорьева (1931 г.), публ. и примеч. Л.М. Ермаковой</i>).....	30
Глава 2. Усиление японского влияния в северной Маньчжурии в 1916–1917 гг. (по материалам АВПРИ) (<i>Е.И. Нестерова</i>).....	36
Глава 3. Начало японской интервенции на Дальнем Востоке России и противоречия между участниками Антанты в свете документов дипломатической переписки США (<i>С.А. Горбылёв</i>).....	50
Глава 4. Режим пребывания советских дипломатов в Японии во второй половине 1938–1939 гг. (<i>И.А. Дегтев</i>).....	60

Часть II. Философская мысль

Глава 5. Фукудзава Юкити и его «Моральный кодекс» (<i>А.Н. Мещеряков</i>).....	71
Глава 6. Эволюция идей сопротивления в текстах Утиямы Гудо: (1874–1911) (<i>М.Р. Бушueva</i>).....	83
Утияма Гудо: Пробуждение в повседневной жизни (<i>пер. М.Р. Бушueвой</i>).....	91
Глава 7. Концепция «Царства Божьего» в понимании японских христиан (<i>А.Д. Бертова</i>).....	100

Часть III. Литература

Глава 8. Издания современной художественной прозы в период Мэйдзи: Таяма Катай о публикации своих произведений (по воспоминаниям «Тридцать лет в Токио», 1917 г.) (<i>М.В. Торопыгина</i>).....	115
Глава 9. Повесть «Мудрец с горы Ко:я» Идзуми Кё:ка — сюжет и стиль (<i>М.В. Шах</i>).....	130
Идзуми Кё:ка. Мудрец с горы Ко:я (<i>пер. М.В. Шах</i>).....	143
Глава 10. Литературный процесс в послевоенной Японии: механизмы цензуры и самоцензуры (<i>С.А. Родин</i>).....	188

Часть IV. Искусство

Глава 11. Первый военный марш современной Японии «Мия-сан, Мия-сан»: контекст возникновения и отсылки к событиям (<i>Д.Д. Романчев</i>)	207
Глава 12. Фотографическая серия «Великое землетрясение Но:би» из «Альбома Кусакабэ Кимбэя (б)»: художественные особенности и параллели с японскими гравюрами XIX в. (<i>И.А. Леонов</i>)	222
Глава 13. Страсти вокруг «Орхидеевой беседки» (<i>А.П. Беляев</i>)	233
Глава 14. «Сюккэйэн» — японский сад с китайским акцентом (<i>С.А. Толстогузов</i>)	246

Часть V.

Японская культура в мировом контексте

Глава 15. Накао Тодзан и первое турне японских музыкантов в России в 1915 г.: попытка осмысления (<i>Н.Ф. Клобукова (Голубинская)</i>)	259
Глава 16. Влияние классического японского театра Но: на искания западной режиссуры и исполнительского искусства (<i>М.В. Гришин</i>)	269
Глава 17. Симона де Бовуар в Японии: описания путешествия 1966 г. в разных источниках (<i>О.И. Лебедева</i>)	283
Глава 18. Утрата музыкальной традиции — утрата сегмента духовной культуры. К истории японского монохорда (<i>М.В. Есипова</i>)	295
Глава 19. «Неяпонская Япония»: плюсы и минусы политики по развитию туризма и студенческих миграций (<i>П.Э. Подалко</i>)	312

Часть VI. Японоведческие миниатюры

Взгляды О:мура Масудзиро: и О:кубо Тосимити на формирование вооруженных сил Японии в начале периода Мэйдзи (<i>С.С. Наумов</i>)	327
Дети играют в войну: конструирование детских образов на японских политических открытках 1900-х годов (<i>М.Ю. Бочарова</i>)	331
Политика японской колониальной администрации в Корее в социально-экономической сфере (<i>Л.В. Овчинникова</i>)	337
Воюю, следовательно существую. Эстетические проблемы японской кинопропаганды 1938–1945 годов (<i>А.Ю. Гвоздев</i>)	343

Рецепция «Медного Всадника» А.С. Пушкина в исследованиях Сугино Юри (<i>М.С. Болошина</i>).....	351
Чай, воплощенный в поэзии — сборник « <i>Рикю: хякюсю</i> » (<i>А.В. Кудряшова</i>)	357
Заключение	362
Приложение I. Светлой памяти Вадима Юрьевича Климова (1949–2024) (<i>В.В. Щепкин</i>)	366
Библиография работ В.Ю. Климова 1984–2023 гг. (<i>сост. В.В. Щепкин</i>)	370
Приложение II: <i>Ёмота Инухико. Ицуки Хироюки и Россия</i> (<i>пер. А.П. Беляева</i>)	385
Литература	394
Указатель.....	411
Об авторах.....	416
Abstracts.....	419

ВВЕДЕНИЕ

Задача нашей книги — представить читателю современные исследования российских ученых по истории и культуре Японии, относящиеся к периоду становления и развития современного японского общества: начиная с середины XIX в. и завершая первыми двумя десятилетиями XXI в. Такие обобщающие коллективные монографии, на наш взгляд, могут служить важному делу: составлению целостной картины той работы, которая проделана и делается сейчас в нашей области науки. Помимо прочего, подобное обобщение — необходимый этап для подготовки нового многолетнего труда по истории Японии, аналогичного, например, десяти tomu «История Китая с древнейших времен до начала XXI века» (М.: Наука, 2013–2017), потребность в котором давно назрела. Разумеется, столь масштабная задача потребовала бы объединенных усилий японоведов всех отечественных исследовательских институтов и вузов. Замысел нашей книги, как и предшествовавших ей выпусков под заглавием «История и культура Японии» в серии “*Orientalia et Classica*”, состоит в том, чтобы поддерживать общий язык российских японоведческих исследований, постоянно уточнять терминологию, обновлять критерии научной доказательности в нашей области, своевременно знакомить коллег с архивными изысканиями и переводами — не только уже завершенными, но и близкими к завершению. Такой формат наших книг отличается от формата, принятого, например, в научных журналах, где статья как правило излагает готовый итог работы; для нас важнее наблюдать за процессом исследований, по возможности его поддерживать, давать коллегам «обратную связь», а молодым японоведам — как можно более разнообразные примеры того, в каких направлениях сегодня движется наша наука.

Выбор хронологических рамок для нашей книги объясняется несколькими соображениями. Во-первых, начиная с периода Мэйдзи (1868–1912), когда Япония открывается внешнему миру, ее история неразрывно связана с историей нашей страны, а значит, работая с японскими источниками, мы в большинстве случаев прямо или косвенно отвечаем и на вопросы, значимые для истории России. Во-вторых, в отличие от более ранних памятников, японские источники XIX–XXI вв. — литературные, изобразительные и иные — традиционно привлекают внимание нашей аудитории, на них не проходит мода в хорошем смысле слова, а значит, их изучение представляет не только академический интерес. И в-третьих, с какими бы материалами мы ни работали и какие бы проблемы японской истории и культуры ни поднимали, нам постоянно приходится возвращаться к их переоткрытию во времена Мэйдзи, в пору становления японской науки современного типа, к дискуссиям вокруг них на протяжении XX в., к их обсуждению (или же забвению) в наши дни. Поэтому следить за тем, что нового становится известно об историко-культурной ситуации в Японии в указанные периоды, необходимо всем японоведам.

Среди авторов книги есть и ведущие российские специалисты, и начинающие, и сотрудники самых крупных российских университетов, и независимые исследователи. К сожалению, до сих пор немалый объем интересных и полезных работ, выполненных студентами в пору обучения, не попадает в поле зрения коллег. Мы по мере сил стараемся восполнять этот пробел. Как и статьи в выпусках «История и культура Японии» в прошлые годы, главы нашей книги в основном восходят к докладам на одноименной конференции, проводимой в Институте классического Востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Пользуемся случаем поблагодарить организаторов, участников и гостей конференции.

План нашей книги, как нам видится, отражает структуру исследований по истории Японии и по японской культуре в настоящее время. Первая часть отведена архивным источникам, вторая — памятникам философской мысли, третья — литературным произведениям. И архивные штудии, и подробный разбор литературных и философских текстов традиционны для отечественного японоведения, и научные работы сопровождаются публикациями архивных материалов и переводов. В четвертой части рассмотрено несколько важных эпизодов из истории восприятия таких явлений японской культуры, как военная песня, каллиграфия, садовое искусство и фотография; все эти явления с трудом вписываются в рамки изучения, разработанные применительно к западным культурам. В пятую часть вошли исследования культурных контактов в области литературы, музыки и театра: Япония в этих контактах выступает как в роли принимающей стороны, так и принимаемой, а порой активно отвергающей и отвергаемой.

Наконец, в шестой части помещены материалы «с рабочего стола» исследователей. В каждом из них либо кратко обсуждается одна из проблем, либо опять-таки предельно кратко представляется один из источников. Надеемся, что читатели вместе с нами будут ждать выхода больших авторских исследований, в которых займут свое место эти японоведческие миниатюры.

Тема всей нашей книги — продолжающиеся дискуссии о месте Японии в мире, о политическом устройстве страны, о том, чем японское общество и каждый житель страны могут и должны ответить на вызовы современности, о том, какие достижения своей культуры японцы готовы представить миру и какой отклик хотели бы получить. Так или иначе все эти споры берут начало в периоде Мэйдзи, и все они пока далеки от каких-либо однозначных решений.

Ниже мы постараемся кратко охарактеризовать исследования, вошедшие в книгу.

Часть I построена на материалах из японских, российских и американских архивов.

В главе 1 *Л.М. Ермакова* возвращается к ранней истории японоведения в России. Интерес к Древней Японии во многом пересекался с возросшим в мировой науке рубежа XIX–XX вв. интересом к архаике вообще, к мифологии неевропейских народов. Сравнивая работы Г.А. Де-Воллана (1906 г.), С.Г. Елисеева (1920 г.), Н.П. Мацокина (1921 г.), Н.И. Конрада и его коллег (1927 г.), А.Е. Глускиной (1931 г.), А.А. Вановского (1934 г.), Н.А. Невского (1935 г.), Л.М. Ермакова

показывает и многообразие подходов к изучению японской мифологии в ее связи с ритуалом, и в то же время единство поисков, которые вели японоведы в дореволюционной России, затем в Советской России, в СССР и в эмиграции. Глава включает в себя публикацию первого русского перевода текстов молитвословий *норито*¹. До сих пор считалось, что этот перевод, выполненный М.П. Григорьевым в 1931 г., сохранился лишь в кратких выдержках в работе Вановского. Но в 2024 г. полный текст трех *норито* в переводе Григорьева с пометками Вановского удалось найти и подготовить к публикации, дополнив копию из архива О.В. Плетнера (Кобэ) рукописью из архива Вановского (Токио).

В главе 2 *Е.И. Нестерова* рассматривает материалы Архива внешней политики Российской империи, относящиеся к событиям 1916–1917 гг. в Манчжурии²: это сообщения российских дипломатов, в том числе обширная аналитическая записка Г.И. Доли «Деятельность японцев в Южной Маньчжурии» (1916 г.). Документы касаются численности японского населения в Манчжурии, его профессионального состава, торговой, банковской и иной деятельности японцев, распространения японских газет и организации прояпонских сообществ в среде местных жителей, а также планов создания в Южной Манчжурии нового государства, лишь условно независимого от Японии. Интересны не только факты, приводимые в подборке документов, но и то, как постепенно меняется у российских дипломатов понимание действий японской стороны, как из разрозненных сообщений возникает картина нарастающей японской экспансии.

Глава 3 продолжает темы предыдущей, но уже на основе других архивных материалов: дипломатической переписки США 1917–1918 гг. вокруг вопроса о японской интервенции на российский Дальний Восток. *С.А. Горбылёв* показывает, как в этих документах обсуждаются судьба военных грузов, доставленных из Японии во Владивосток, после выхода России из Первой мировой войны, а также антияпонские (и предположительно пробольшевицкие) сообщества корейцев, в чьих руках эти грузы могут оказаться. Другой вопрос, который ставится в связи с интервенцией, касается контроля над Транссибирской магистралью. Подборка документов показывает разногласия между державами Антанты относительно сроков, масштабов и целей интервенции.

Глава 4 снова обращается к отечественным документам, на сей раз уже из Архива внешней политики Российской Федерации. *И.А. Дегтев* рассматривает донесения 1938–1939 гг. о том, как сотрудникам полпредства СССР в Токио приходилось работать в условиях жесткого полицейского надзора и провокаций — и как обстановка стала гораздо более благоприятной после подписания протокола о продлении рыболовной конвенции 1928 г. весной 1939 г., перемирия в боевых действиях на р. Халхин-Гол и заключения советско-германского пакта о ненападении в конце лета того же года. Особое внимание уделено приезду нового полпреда СССР К.А. Сметанина в Японию осенью 1939 г., обсто-

¹ Тексты *норито* из свода «Энгисики» в переводах Л.М. Ермаковой см.: [Норито..., 1991].

² Документы из того же архива, относящиеся к предшествующим событиям, рассмотрены в статье [Нестерова, 2024].

ятельствам его почетной встречи и слухам о скорой нормализации советско-японских отношений, сопровождавшим его прибытие.

Часть II рассматривает несколько текстов, важных для истории японской общественной мысли XIX–XX вв.

В главе 5 *А.Н. Мещеряков* ведет речь о наследии Фукудзавы Юкити — мыслителя, который во многом определил облик всей эпохи Мэйдзи, особенно для наших дней; современники его далеко не во всем понимали и принимали. «Моральный кодекс» («*Сю:син ё:рё:*», 1900 г.), составленный учениками и единомышленниками Фукудзавы и утвержденный им незадолго до смерти, формулирует основные положения его учения: каким должен быть человек, как отстаивать свои «независимость и самоуважение», какие цели ставить в жизни, как изживать устаревшие обыкновения и отзываться на требования новой эпохи, как строить отношения с другими людьми в семье, в обществе и государстве. Прослеживая судьбу «Морального кодекса» в Японии XX в., *А.Н. Мещеряков* показывает, что этот текст никогда не был по-настоящему востребован, и причины, по которым он снова и снова оказывался не ко двору, красноречиво говорят о сменявшихся одна другую идеологических установках.

К концу периода Мэйдзи относится материал главы 6. В ней сопоставляются две работы Утиямы Гудо: — японского анархиста, несшего сан буддийского монаха. *М.Р. Бушueva*, прослеживая его биографию, показывает, как западные идеи сочетались у него с главными в его понимании положениями буддизма. В первой из работ, манифесте «Анархо-коммунистическая революция. Посвящается заключенным» («*Ню:гоку кинэн мусэйфу кё:сан какумэй*», 1908 г.), звучат призывы к бунту, отрицание любых идеологий, порабощающих человека; освобождение понимается самым радикальным образом. Вторая работа, написанная уже в тюрьме, «Пробуждение в повседневной жизни» («*Хэйбон но дзикаку*», 1910–1911 гг.), показывает, что в учении Будды Утияма находил руководство к внутреннему освобождению человека. В главу включен перевод «Пробуждения в повседневной жизни», выполненный *М.Р. Бушueвой*.

Как показано в главе 7, в споры конца XIX — начала XX в. о задачах религиозных общин в японском государстве, о месте религии в жизни японского общества были вовлечены и христиане — и занимали порой прямо противоположные позиции. *А.Д. Бертова* сопоставляет учения нескольких христианских авторов, выделяя в них разные трактовки понятия «Царства Божьего»: если Эбина Дандзё: мыслит «Царство Божье» как Японию, несущую свои моральные принципы всему миру, в том числе военным путем, то Кагава Тоёхико видит путь к «Царству Божьему» в переустройстве жизни внутри страны на началах любви к ближнему; Янайхара Тадао, будучи противником военной экспансии, понимает «Царство Божье» как осуществление на земле божественного замысла, создание новой системы отношений между людьми, где основу составляет справедливость, а Накада Дзюдзи прочитывает сказанное в Библии об Израиле как относящееся к Японии и на этом строит учение о миссии японского народа. В итоге в первой половине XX в. большее влияние получают те версии христианского учения, которые оправдывают и поддерживают захватнические войны Японии.

Часть III объединяет источники, с разных сторон показывающие изменения, произошедшие в японской литературе в XIX–XX вв.

В главе 8 рассмотрена одна из важных составляющих культуры периода Мэйдзи: литературные журналы, в которых печатались тогдашние «властители дум», возникали и исчезали литературные направления. *М.В. Торопыгина* исследует жизнь литературных кругов 1890–1900-х годов, опираясь на книгу воспоминаний «Тридцать лет в Токио» («*То:кё:-но сандзю:нэн*», 1917 г.), где писатель Таяма Катай рассказывает о временах своей молодости, об условиях публикации художественных произведений, подходах к их редактуре, о том, как авторы зависели от издателей. Таяма обсуждает деятельность литературных сообществ, в которые входил, взаимоотношения между начинающими и уже влиятельными литераторами. Из журналов и издательств, с которыми Таяма сотрудничал, многие не пережили своей эпохи, но другие оставались влиятельными еще долгие десятилетия.

В главе 9 *М.В. Шах* представляет читателям творчество японского писателя периода Мэйдзи Идзуми Кё:ка, чьи рассказы и повести до сих пор на русский язык почти не переводились. Будучи современником тех событий, о которых идет речь в предыдущей главе, Кё:ка участвовал в них сравнительно мало, и тем не менее его влияние на японскую литературу ощущается до наших дней. Повесть Кё:ка «Мудрец с горы Ко:я» («*Ко:я хидзири*», 1900 г.) продолжает традиции японской словесности предшествующих веков, и в то же время по ней можно проследить некоторые новации, затронувшие и язык, и стиль художественной прозы к рубежу XIX–XX вв. В этой главе помещен перевод повести, выполненный *М.В. Шах*.

Последствия поражения Японии во Второй мировой войне и новые преобразования государства и общества исследуются в главе 10 на материале дискуссий вокруг свободы слова. *С.А. Родин* рассматривает директивы Штаба оккупационных сил 1945 г. о деятельности прессы и реакцию на эти директивы литературного сообщества, а затем исследует несколько конфликтов, в центре которых оказывались ученые, литераторы и издатели литературных произведений. Это скандал вокруг публикации японского перевода романа Д. Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей» в 1950 г.; споры о введении в школьную программу уроков «морального воспитания» в 1958 г.; инцидент 1961 г., когда активист ультраправой организации совершил вооруженное нападение на дом главного редактора издательства «Тю:о:ко:рон» и действия свои объяснил как месть за оскорбление императорского рода; громкий судебный процесс того же 1961 г. о нарушении неприкосновенности частной жизни, где ответчиком выступал писатель Мисима Юкио. Хотя цензура и запрещалась послевоенной японской конституцией, преследования авторов и издателей могли иметь вид юридический (с опорой на законодательные нормы, которые удавалось обратить против неугодных произведений), а в других случаях в ход шла самоцензура, отказ от выпуска текстов, которые могли быть поняты нежелательным образом.

Часть IV отведена источникам, жанровая принадлежность которых неоднозначна, и темам, разрабатываемым на стыке нескольких японоведческих дисциплин.

Материал главы 11 относится к самому началу периода Мэйдзи. В это время появляется одна из самых известных сегодня японских музыкальных композиций, связанных с эпохой перемен: марш «*Мия-сан, Мия-сан*». *Д.Д. Романчев* прослеживает контекст его появления в пору войны Босин (1868–1869 гг.), разбирает вопрос о предполагаемых авторах текста и музыки, приводит свидетельства о бытовании марша в конце XIX в. и позднее вплоть до наших дней. Также в этой главе дается перевод текста марша: его трудно рассматривать как памятник японской поэзии в собственном смысле слова, но как документ своего времени он, безусловно, интересен. Особое внимание в комментарии к переводу уделено тому, как в тексте выстроены образы «своих» и «врагов».

В главе 12 исследуется серия фотографий «Великое землетрясение Но:би» Кусакабэ Кимбэя, запечатлевшая природное бедствие 1891 г. *И.А. Леонов* показывает, что эти снимки не только документируют события, но и решают ряд художественных задач. Композиция снимков и особенности трактовки пейзажа в них отсылают к гравюрам знаменитых мастеров XIX в., обретших популярность на Западе, — Хокусая и Хиросигэ. При этом парадоксальным образом виды разрушенных поселений показаны до некоторой степени идиллическими, в духе коммерческой фотографии мастерских Йокогамы, работавших прежде всего для туристов. Гравюры мастеров 1890-х годов, посвященные тому же землетрясению, выглядят существенно иначе, в них выделяется мотив разрушения зданий, мостов и иных сооружений новейшей эпохи.

Главу 13 можно было бы отнести к истории японской каллиграфии, однако исследование *А.П. Беляева* выходит далеко за рамки этой дисциплины. Речь идет о судьбе китайского памятника IV в. н.э. «Предисловие к собранию стихотворений, написанных в Орхидеевой беседке» («*Ланьтинской*») в японской и китайской каллиграфических традициях XX в., о наследии каллиграфа IV в. Ван Си-чжи в Японии. *А.П. Беляев* прослеживает связи между каллиграфией и идеологией, говорит о «традиционалистах» и «новаторах» в области письма, о том, как предпочтения одного из направлений — «школы стел» или «школы прописей» — соотносились с эстетическими и политическими взглядами мастеров, как шло взаимовлияние между японскими и китайскими каллиграфическими сообществами.

К проблеме сохранения культурного наследия в Японии российские авторы обращаются постоянно: японский опыт в этой области, как положительный, так и отрицательный, весьма поучителен. В главе 14 *С.А. Толстогузов* подробно разбирает историю сада «Сюккэйэн» в Хиросиме, почти уничтоженного атомной бомбардировкой в 1945 г. и затем реконструированного в 1950–1960-х годах. Для этого памятника садового искусства был и остается нерешенным вопрос: как сохранить и как представить современному посетителю все пласты его истории. В 2020-х годах предстоит новый этап воссоздания «Сюккэйэн», и в связи с ним заново обсуждаются место сада в целостном образе города Хиросимы и сам этот образ, история создания и переустройства сада, вопросы изучения поэтических и прозаических текстов, соотносимых с ним, «японская» и «китайская» составляющие его композиции, а также связь судьбы «Сюккэй-

эн» с событиями периода Мэйдзи, когда впервые была предпринята попытка создания музея в этом саду.

Часть V объединяет исследования по истории культурных контактов Японии с внешним миром.

В главе 15 рассмотрена история гастролей японских музыкантов Накао Тодзана и супругов Ёнэкава в России в 1915 г. *Н.Ф. Клобукова (Голубинская)* исследует замысел выступлений японских мастеров игры на флейте *сякухати* и цитре *кото* в российских госпиталях перед ранеными, обстоятельства поездки Накао и его спутников через всю страну от Владивостока до Петрограда, участие японских дипломатов в организации выступлений; обсуждает отклики российской прессы и воспоминания самих участников гастролей. Также *Н.Ф. Клобукова (Голубинская)* обосновывает предположение о незаявленной коммерческой цели гастролей и помещает их в контекст российско-японских отношений периода Первой мировой войны.

В главе 16 речь идет о восприятии театра Но: на Западе на более продолжительном временном отрезке — с 1920-х по 1960-е годы *М.В. Гришин* приводит свидетельства режиссеров и драматургов, изучавших театр Но: и пытавшихся перенести его практики на западную сцену: Ж. Копо, С. Бинг, П. Клоделя, Ж.-Л. Барро, Э. Барба и др. Также в этой главе рассмотрен опыт постановки драмы Но: в американском Институте передовых исследований театра в 1960-х. Западных театральных деятелей в Но: привлекала прежде всего актерская техника и связанное с нею особое воспитание и самовоспитание актера, затем — отношения между исполнителем и маской, особый ритм сценического действия, способы выражения «невысказанного», *ю:гэн*. Влияние Но:, как и других незападных театральных жанров, во многом определило художественные искания европейского и американского театрального авангарда в XX в.

Глава 17 сопоставляет французские и японские источники, связанные с поездкой по Японии в 1966 г. С. де Бовуар и Ж.-П. Сартра. *О.И. Лебедева* показывает принципиальное расхождение между двумя текстами об этой поездке: Бовуар описывает японский опыт с собственной философской и писательской точки зрения, не смягчая оценок, тогда как переводчица Асабуки Томико рисует образ путешествия французских интеллектуалов таким, каким он должен быть исходя из ее понимания задачи сближения культур Франции и Японии. В итоге для Бовуар оказываются видны и важны приметы неизжитого наследия прошлого в области семейных отношений и особенно прав женщин, экономические трудности, а в воспоминаниях Асабуки Япония имеет образцовый «туристический» вид, а сама Бовуар предстает как благовоспитанная европейская дама, готовая хвалить все местные красоты.

Материал главы 18 гораздо обширнее по сравнению со всеми предыдущими главами. *М.В. Есипова* исследует одну из почти не изученных музыкальных традиций Японии — традицию монохорда *итигэнкин*. В главу вошли сравнение различных вариантов монохорда Южной и Юго-Восточной Азии, реконструкция истории японского монохорда, обзор основных школ игры на этом инструменте. *М.В. Есипова* обосновывает связь исполнительской традиции *итигэнкин* с музыкальными, литературными, философскими традициями Китая и

Японии, исследует изображения мифологических и легендарных персонажей с этим инструментом. Затем обсуждаются современное состояние традиции *итигэнкин* и причины ее модификации и угасания.

Глава 19 показывает, какие дискуссии в японской печати идут в наши дни. П.Э. Подалко рассматривает один из примеров, снова относящийся к открытости страны внешнему миру. На сей раз споры ведутся о привлечении в Японию иностранных туристов, студентов, работников для тех отраслей, где острее всего дефицит кадров. Обсуждаются правительственные меры в области поддержки туризма и образования, демографические проблемы Японии, вопросы возможности и желательности интеграции иностранцев, их приобщения к японской культуре на разных уровнях. К какому-либо практическому итогу эта полемика пока не пришла, но для исследователей японской культуры она интересна с той точки зрения, какие составляющие образа жизни японцев считаются наиболее «японскими», не поддающимися размыванию в эпоху глобализации.

Часть VI содержит подборку «японоведческих миниатюр»: здесь мы не делим текст на главы, но располагаем исследования в хронологическом порядке.

С.С. Наумов сопоставляет взгляды двух реформаторов начала периода Мэйдзи на то, какой должна быть армия Японии: призывной по европейскому образцу, как предлагал О:мура Масудзиро: (1824–1869), или, как считал О:кубо Тосимити (1830–1878), собранной путем передачи под командование императора отрядов прежних *даймё*.. Спорным был также вопрос, какой модели придерживаться при модернизации армии: французской или британской.

М.Ю. Бочарова обсуждает пропагандистские открытки конца эпохи Мэйдзи с изображениями детей. Их сюжеты — проводы солдат на войну, семья как «крепкий тыл», но также и горе сирот; новое поколение японцев, воспитываемых в милитаристском ключе. Детские образы задействуются и для прославления альянсов между державами, в частности, между Японией и Великобританией.

Л.В. Овчинникова критически рассматривает различные оценки деятельности японской колониальной администрации в Корею в 1910–1945 гг. и показывает, что работы, в которых обсуждаются лишь эксплуатация Кореи метрополией, повлекшая огромные жертвы, оставляют вне поля исследования ход постепенной модернизации Кореи в указанный период: создание современной промышленности, транспорта, системы образования и др.

А.Ю. Гвоздев исследует японские пропагандистские кинокартины, снятые «в рамках национальной политики» в 1938–1945 гг., *кокусаку эйга*, сравнивая их с аналогичными кинофильмами других стран времен Второй мировой войны. Автор показывает, как в *кокусаку-эйга* при отсутствии видимого образа «врага» боевые действия встраиваются в размеренный ход повседневной жизни, проводится установка на единство Японии и завоеванных стран, конструируется идеализированный образ военного, мало общего имевший с действительностью.

М.С. Болошина сравнивает трактовки поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник» в российской пушкинистике и в работах японской исследовательницы

Сугино Юри, показывая, как Сугино применяет к пушкинскому тексту метод «сингулярного анализа», раскрывающий свойства целого через свойства одной особенно значимой части, в данном случае образа «зверя». Этот подход в сочетании с выявлением «минус-приема» (по Ю.М. Лотману), позволяет обнаружить в поэме и исторические, и литературные отсылки, обычно не обсуждаемые в работах российских пушкинистов.

А.В. Кудряшова обращается к традиции японского чайного действа и рассматривает сборник стихотворений, выражающих основы «Пути Чая». Связываемый с традицией, восходящей к Сэн-но Рикю: (1522–1591), этот сборник, составленный в XIX в., играет важную роль в современном обучении чайной церемонии.

В приложениях к книге мы помещаем два материала, не входящих в состав собственно исследования, но близко связанных с ним. В память о нашем коллеге Вадиме Юрьевиче Климове (1949–2024), постоянном участнике конференций и авторского коллектива книг «История и культура Японии», мы помещаем воспоминания его ученика В.В. Щепкина, а также библиографию работ В.Ю. Климова. Эссе профессора Ёмота Инухико дополняет книгу обсуждением явления, симметричного нашей отечественной моде на «японское» во второй половине XX в., — японской тогдашней моды на «русское/советское» и ее отражения в литературе.

Научное издание
Orientalia et Classica
XII (LXXXIII)

История и культура Японии

XIX–XX века: новые исследования российских ученых

Под научной редакцией *Н.Н. Трубниковой, М.С. Коляды*

Зав. книжной редакцией *Е.А. Бережнова*

Редактор *Н.Н. Трубникова*

Художник *В.П. Коршунов*

Каллиграф *А.П. Беляев*

Компьютерная верстка: *Ю.Н. Петрина*

Корректоры *Н.Н. Трубникова, Е.Е. Андреева*

Все новости издательства — <http://id.hse.ru>

По вопросам закупки книг
обращайтесь в отдел реализации
тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15295, 15296, 15297
bookmarket@hse.ru

Подписано в печать 20.12.2024. Формат 70×100/16
Гарнитура Newton. Усл. печ. л. 35,8. Уч.-изд. л. 27,6
Печать струйная ролевая. Тираж 600 экз. Изд. № 2869. Заказ №

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20, тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15285

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru,
тел.: +7 499 270-73-59